

спросивъ доброжелательно, но не совсѣмъ удачно: не видѣлъ ли онъ кого (этотъ вопросъ сталъ какой-то формулой), на что Кутбертъ отвѣчалъ, что замѣтилъ двухъ или трехъ прохожихъ въ Сити, а Марта сказала ему, что ей пріятно его постоянное въ шуткахъ. На это Кутбертъ сардонически замѣтилъ, что онъ самъ знаетъ, что онъ веселый малый, но что когда онъ видитъ вокругъ себя ихъ вытянутыя фізіономіи, въ особенности же фізіономію Марты, то это еще болѣе подзадориваетъ его веселость.

Миссисъ Ашбернъ услышала его отвѣтъ и строго сказала:

— Не думаю, Кутбертъ, чтобы у твоего отца или у меня была „вытянутая“ фізіономія, какъ ты выражаешься. Мы всегда поощряли приличныя шутки и невинную веселость. Не понимаю, почему ты смѣешься, когда мать дѣлаетъ тебѣ замѣчаніе, Кутбертъ. Это совсѣмъ непочтительно съ твоей стороны.

Миссисъ Ашбернъ продолжала бы, по всей вѣроятности, защищать себя и своихъ домашнихъ отъ обвиненія въ вытянутой фізіономіи, еслибы не произошла желанная диверсія. Кто-то постучалъ въ наружную дверь. Служанка, поставивъ блюдо на столъ, исчезла, и вскорѣ затѣмъ колоссальное туловище показалось въ дверяхъ и зычный голосъ произнесъ:—Эге! они обѣдаютъ! Ладно, милая, я знаю дорогу.

— Это дядюшка Соломонъ!—сказали за столомъ. Но никакихъ знаковъ радости не было выражено, потому что они были по природѣ очень сдержанны.

— Ну чтожъ, — заявила миссисъ Ашбернъ, которая, повидимому вывела свои заключенія изъ этой сдержанности, — я знаю, что если гдѣ-нибудь мой единственный братъ Соломонъ будетъ желаннымъ гостемъ, то это за нашимъ столомъ.

— Разумѣется, разумѣется, душа моя, — отвѣтилъ м-ръ Ашбернъ торопливо. — Онъ былъ здѣсь на прошлой недѣлѣ, но мы всѣ ему рады всегда и во всякое время.

— Надѣюсь! Ступай, Трикси, и помоги дядѣ снять пальто.

Изъ сосѣдней комнаты долетало пыхтѣнье и крихтѣнье, доказывавшее, что родственникъ находился въ затруднительномъ положеніи.

Но прежде, нежели Трикси успѣла выполнить материнскій приказъ, въ комнату ввалился краснолицый человѣкъ съ большимъ самодовольнымъ ртомъ, бакенбардами, сходявшимися подъ подбородкомъ, и глазами, которые Трикси по секрету величала „свинными глазами“, но въ которыхъ тѣмъ не менѣе свѣтился какой-то особенный первобытный юморъ.

Соломонъ Лайтовлеръ, братъ миссисъ Ашбернъ, удалившійся